

Памяти поэта

Октябрьским солнечным утром я торопился в благотворительный фонд «Металлург». Навстречу шли ветераны комбината и предупреждали: «Тебя Саня Павлов ждёт». Я ещё не знал, что иду на последнюю встречу с Александром: через неделю его не стало.

С ним я заходил на огонёк к историку и краеведу, ветерану войны Владимиру Баканову. В энциклопедии «Магнитогорск» о Павлове написал как раз Владимир Петрович. У нас не раз бывали посиделки в изостудии металлургов. И сам Саша неплохо владел кистью, к примеру, сделал акварелью автопортрет. Нам было уютно и легко в студии магитого художника Фёдора Разина. Не тесно в маленьких квартирках актёра, поэта и композитора Виталия Титова и легендарной поэтессы, общей нашей наставницы Нины Кондратовской. Парились в баньке третьего листопрокатного цеха, где хозяйствовал его друг, есаул Оренбургского казачьего войска. А Саша был подбесаулом, и казаки наградили его памятным серебряным крестом и шашкой.

Лучше же всего было у его мамы Веры Антоновны. Великим книжником и сильным поэтом он стал благодаря ей – таково признание самого Александра Борисовича. Странно: за нашими нечастыми застольями не было сплетен: вспоминали, советовались, шутили, засиживались допоздна. Утром, как водится, были готовы «к труду и обороне». Круг его общения был очень широк и многолик, везде были рады ему, но ни разу и нигде не довелось увидеть в нём напыщенности или самодурования. А мог бы напустить на себя многозначительность уже хотя бы потому, что имел престижные награды за творчество, был членом-корреспондентом Академии литературы РФ.

Саша часами мог сидеть за рукопи-

Вглядитесь в меня

К дару от рождения Александр Павлов прикладывал постоянный, «без перекуров», труд души

сями. Нередко я заставал его, когда он сосредоточенно трудился над рифмами. Заглянешь мельком в листок и видишь: часть слов выстроилась в четверостишья, остальные он подбирает. Сразу понимал: кто-то обратился с просьбой о поздравлении. Соваться с вознаграждениями не смели: он бескорыстно выполнял просьбы. В моей семье хранятся его стихи на свадьбу дочери, на юбилей жены. Я глупо сердился: разве можно использовать талант на «поделки»? Сейчас так не думаю.

Однажды был вьюжный день, я провожал Сашу и спросил: «Ты что, так же вымучиваешь стихи, как поздравительные вирши?» «Да нет,

– как-то устало ответил он. – Я их «заучиваю». Хожу, думаю, подбираю слова... А уж потом, когда мне кажется, что получилось, записываю». Для меня, как сейчас говорят, пазлы сложились в картину. К дару от рождения нужно приложить постоянный, «без перекуров», труд души и сказать о простом, обыденном так, как до тебя никто не говорил. Заявить о привычном и вроде бы потаённом настолько ярко и образно, чтобы оно, привычное, обернулось неожиданной стороной и украсило твою жизнь.

В «Магнитогорский металл» Сашу Павлова пригласили после дембеля в 1972 году. Спустя четверть века

в десятитысячный номер газеты он написал воспоминания о своих первых шагах в печати, мы опубликовали его стих, тоже выданный на заказ. «От первых золотых костров/ до века бурного исхода/ все десять тысяч номеров/ ушли в историю сквозь годы/. В созвездьях подлинных имён/, без права падать на колени/, живая летопись времён./ портрет зеркальный поколений».

У редакции «ММ» есть свой гимн. Авторство принадлежит Александру Павлову. Он был опубликован в газете, а затем вошёл в сборник «Сверим время». По моему убеждению – это гимн всем честным журналистам и газетчикам. «Года уходят, кратки и похожи./ У нас года особо не видны./ И мы уходим медленно, но всё же –/ В подшивках пыльных остаёмся

мы./ Мы сквозь сердца профиль-травали время/ И втиснули эпоху в колени./ Когда вокруг знобило – мы горели./ А леденели – людям не в укор...»

Теперь с обидой думаю: как же мало он прожил... Мною прочитано много книг. Но никто не сказал о памяти так, как Александр Борисович Павлов. То и дело вспоминаются его строки: «Я – память./ Мне время подвластно./ От самого светлого дня/ До самого тёмного часа/ Я – память./ Вглядитесь в меня./ Я в каждом ростками проклюнусь/ и выйду на край тишины./ Морщины – как выстрелы в юность./ седины – как залпы войны».

Владимир Каганис,
член Союза журналистов России

Справка «ММ»

Александр Павлов родился 11 января 1950 года в Магнитогорске. До 20 лет проживал с родителями и старшим братом Владимиром в бараке № 3, в комнате № 3. Отец будущего поэта, Борис Петрович, рабочий коксохимического производства, в годы Великой Отечественной воевал в Уральском танковом добровольческом корпусе. Вернувшись с фронта инвалидом, столярничал на дому. Мать Вера Антоновна – бухгалтер – страстная поклонница поэзии, привившая любовь к ней обоим сыновьям.

Учась в школе, Саша был записан сразу в несколько библиотек, и уже в пятом классе сочинил своё первое стихотворение. В 1965-м по окончании восьми классов Павлов поступил в Магнитогорский индустриальный техникум на специальность прокатчика. Работал вальцовщиком в первом листопрокатном цехе Магнитогорского металлургического комбината. В свободное от основной работы время занимался в городском литературном объединении, где его наставниками были поэты Н. Кондратовская и В. Машковцев.

В 1973–1979 годах Павлов учился на заочном отделении Литературного института имени Горького, в творческом семинаре поэта В. Сидорова. Одновременно с зачислением на первый курс он начал руководить литературным объединением «Магнит» Магнитогорского металлургического комбината, которому отдал два десятка лет своей жизни. В 1976 году в московском издательстве «Современник» 20-тысячным тиражом вышла первая книга поэта «Предгорья». В 1982–2008 вышли книги стихов «Пологий свет», «Город и поэт», «С ярмарки еду».

В 2002-м Александр Павлов был избран членом-корреспондентом Академии литературы, спустя два года вошёл в состав правления Челябинского областного отделения Союза писателей России. В ноябре 2006-го на VII конференции Ассоциации писателей Урала поэт был удостоен медали Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Скончался Александр Павлов 22 октября 2011 года.

Поэзия

«Нет в поэзии безвременья...»

Александр Павлов

Если можешь не писать – не пиши.
Эта истина куда как проста.
Ох, как долго я молчал от души,
Наконец-то отворились уста.

С глаз упала не одна пелена,
И в лучих покаянных ночах
Оглушила не одна тишина...
Пышен сад, а чуть росток не зачах.

Что ж, пора и за мирские дела,
Уж, казалось бы, и сад невелик,
Забурьянел от угла до угла,
Потому-то и сидеть не велит.

День объятия свои распростёр,
Свет гуляет по надменным
стволам...
Ох, и дымный нынче будет костёр,
Ох, и здорово ж достанется нам!

Творчество

Поддался чувству – и не рад.
Что Паганини, Страдивари...
Вон – листья жёлтые шуршат
На индеелом тротуаре.

Вовеки музыки такой
Со сцены чинной не услышать,
Вовеки не подняться выше
Любой искусною рукой.

Но всё равно хвала тому,
Кто, проклиная звон мгновений,
В кровоподтёках вдохновений
Живёт, не зная почему...

Говорят: беда одна не ходит...
Нынче вновь явилась не одна.
По уши влюбился, при народе
Лоб разбил, виной тому – она.

Простудился. Встала вся работа.
Слёз в постель, и навалилась лень.

Кот-мерзавец исцарапал фото
и пропал, и нету третий день.

Волком взвять и зареветь
медведем...
Но в заветных ямочках у рта,
словно предсказанье о победе,
ты пришла и принесла кота.

Лоб зажил, отхлынула простуда,
ты пришла уже не холодна...
И поверил я в иное чудо –
радость тоже ходит не одна.

Опять весна задуматься велит...
Прости-прощай, забытый богом
омут.

Летит вода и камни шевелит,
и берега раздавленные стонут.
В степи вовсю буксуют трактора –
апрельская лихая беда...
Летит вода с утра и до утра –
предвестница покоя и удачи.

А далеко, за полюю водой,
в краю сосновом, в доме у запруды
вызванивает голос молодой
и рассыпает в травы изумруды.
Летит вода и память шевелит,
волною мутной

к прошлому относит.
А у тебя такой лукавый вид,
что о серьёзном вряд ли кто

и спросит,
Какою лодкой, на каком плоту
в твои владенья светлые

проберётся?
Летит весна, хохочет на лету,
и надоело сердцу притворяться.

Я выйду в степь и воду усмирю,
и вздрогнешь ты в догадке

неминучей,
и на твою сосновую зарю
надвинутся негданные тучи.

И ты поймёшь, лукавая, сама,
шаловой душой играя лебедино:
когда в союз вступают свет

и тьма –
весомей золотая середина.

Напоминающий изгоя,
из этой жуткой колготы
я всё же вышел, как из боя,
и предо мной явилась ты.

Вся в бликах солнечных, в туманах,
в смородинках лукавых глаз.
В смешных и крохотных обманах
ты тёплой радугой зажглась.

Нет, ничего я не напутал.
Всё было правильно, когда
в твоих небесных, слабых путях,
я просмотрел свои года.

К юбилею «Металла»

Всего лишь 50 родной газете,
Но за плечами – неоглядный путь.
А разглядишь десятилетия эти, –
И от волненья задохнёшься грудь.
Почти эпоха втиснута в полвека,
Где пятилеток первых громадьё,
Война, разруха, гений человека –
Всё, что хранит Отечество мое.

Когда в цехах не достигали цели
И не хватало пламени печам, –
Тогда твои газетчики горели
И медленно седали по ночам.
Порой морозы забирались круче
На стрележне лютый

матушки-зимы...
Чернила замерзали в авторучках,
Но их сердцами согревали мы.

И в золотую летопись Магнитки
Легендами вращали имена,
А уж потом – рекорды, слава,

слитки –
Всё, чем гордится юная страна.
Всё было вместе! И ошибки – тоже.
Порой не успевали, не могли...
Но продолжалось, на судьбу похоже,
Мозгучее вращение Земли.

Оно происходило днём и ночью,
Кипела сталь, газета шла и шла,

Она звучала рупором рабочим,
Советовала, спорила, звала.
Незыблемы традиции

«металльцев»!
А сколько вас – и юных, и седых?...
За полстолетья не сочтёшь
по пальцам,
Все путь прошли такой,
как от руды.

Металл проходит,
крепость обретая...
Надёжен журналистский
твой закат!

Летят года,
как в синей дымке тают,
Но льются строки и горяч металл.
Мы все невзгоды одолеть сумеем!
И вновь газета выйдет поутру...
С весною вас, с Победой, с юбилеем,
Коллеги и собратья по перу!

Лечу на электричке синей,
Сегодня – здесь, а завтра – там.
Москва устало апельсинит
И ананасит по углам.

Проспекты – сочными холстами.
Куда ни глянь – отменный вид.
За поросычьими хвостами
Скоромно очередь стоит.

А мне сегодня так не к спеху,
На все четыре стороны,
На все раскидистое эхо
Мои заботы не видны.

Чего ни встретишь по дороге,
Какие ни придут слова,
Когда от рук отбились ноги,
Но не отбилась голова.

1975 г.

Живу то волком, то медведем
среди словесной шелухи...
Но, словно вести о победе:
– Подходят к нынешней беседе
твои вчерашние стихи.

Стихи у жизни – та же сводня
во мгле тумана и добра.

Ты думаешь, живёшь в сегодня?
Нет, ты куда – во вчера.

Я знаю: скажешь послезавтра,
читая мой вчерашний стих,
мой день беспечный не простив,
переварив отменный завтрак:
– Ведь надо ж, голова такая –
а вот досталась дураку...
И предпоследнюю строку
сегодня не простишь...
Я знаю.

Не устаёт историю вершить
Законов свод... И нет печальней по-
вести:
Пока мы будем по указам жить –
Мы никогда не будем жить по со-
вести.

Не удивляйся, друг сердечный,
Устал, какая к чёрту грусть.
Я весь какой-то поперечный
И сам в себе не разберусь.

Ночей свирепа канонада,
В кошмарах света не видать.
Да и тебе-то больно надо?
Себя не в силах расхлебать.

Каноны общие нарушу,
Сверну, оно пока честней...
Не заложить ли черту душу –
Пускай помыкается с ней?

Нет в поэзии безвременья,
Просто каждый – в свой черёд.
Исключение – для гения,
Что над временем встаёт.

Каждый нужен, будто звёнышко
В нескончаемой цепи.
Каждый важен, словно зёрнышко
Поля хлебного в степи.

Невозвратны, как мгновения,
Все мы – волны у реки...
Нет в поэзии безвременья,
Рядом с ней – временщицы.